

**Библиотека
военных
приключений**

Юрий ПОГРЕБОВ
Евгений ПОГРЕБОВ

**В ПРОРЫВ ИДУТ
ШТРАФНЫЕ
БАТАЛЬОНЫ**

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П43

Художник Игорь Варавин

Погребов, Юрий Сергеевич.

П43 В прорыв идут штрафные батальоны / Юрий Погребов, Евгений Погребов. — Москва : Эксмо : Яуза, 2016. — 352 с. — (Библиотека военных приключений).

ISBN 978-5-699-90077-0

Осень 1943 года. После Курской битвы обескровленный штрафной батальон выведен в тыл на пополнение и переформировку. Большинство этого пополнения — матерые уголовники: воры, бандиты, даже убийцы. Столкновение между ними и выжившими фронтовиками неизбежно...

А впереди у штрафников новые бои — после короткой передышки батальон переброшен на 1-й Белорусский фронт, который со дня на день должен перейти в наступление. Как обычно, штрафбат направят на самый горячий участок. Как всегда, они пойдут в прорыв первыми. Они должны «искупить свою вину кровью». Немногие из них переживут этот бой...

Роман написан на основе реальных событий, участником которых был автор, Юрий Сергеевич Погребов, сам воевавший в штрафбате.

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-699-90077-0

© Погребов Е.Ю., 2016
© ООО «Издательство «Яуза», 2016
© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Балтус поспешил. Назвав Колычева товарищем капитаном, он тем самым дал понять, что вопрос с его реабилитацией можно считать решенным. Это дело времени: каких-нибудь полутора-двух недель, необходимых для совершения установленной процедуры формальностей в Военном совете фронта, куда командованием батальона направлялись представления на тех особо отличившихся в боях штрафников, кто, не будучи ранен, не пролив крови, тем не менее подпадал под определение искупивших вину и заслуживающих освобождения из батальона.

Процедура рассмотрения и утверждения представлений носила общепринятый протокольный характер с заранее предсказуемым результатом. Принимая решение, члены Военного совета, как правило, не вникали в подробности личных дел и боевых характеристик соискателей, каждого в отдельности, а «голосовали» список в целом. Так было до и после Сталинграда. Все, кого командование батальона представляло к снятию судимости и восстановлению в прежних правах, желанную свободу получали. Поэтому у Балтуса не было оснований сомне-

ваться и беспокоиться за ожидаемый конечный результат.

Но на этот раз произошло непредвиденное. Безотказный канцелярский механизм дал сбой. Комутто из членов Военного совета список из 81 человека — два полнокровных взвода — показался необоснованно завышенным. «Оправдывать штрафников целыми взводами — это уж слишком!» Вопрос вернули на доработку. После чего в списке осталось только 27 имен. Ровно треть от первоначально заявленного состава.

Последним пунктом решения командиру батальона майору Балтусу, заподозренному в излишней лояльности и примиренческих настроениях, идущих вразрез с действующим Положением о штрафных подразделениях, члены Военного совета указали на недопустимость подобных действий впредь. Это звучало как обвинение в недооценке и недопонимании всей полноты и сложности возложенной на него ответственности, ставило под сомнение соответствие его командирских морально-волевых качеств нормам строгой партийной требовательности и принципиальности. Военный совет усматривал шаткость в способности комбата успешно решать поставленную перед ним задачу.

Нельзя сказать, что Балтус остался глух к опасности предостережения, но больше его задело все-таки другое. То, что в списке двадцати семи счастливых не оказалось фамилии Колычева, которого он успел так неосторожно и опрометчиво обнадежить.

Несмотря на скупость внешних проявлений и кажущуюся замкнутость, выработанные в нем характером и условиями службы, Балтус крайне ще-

петильно и болезненно относился ко всему, что затрагивало его имя, могло хоть вскользь, ненароком, нанести ущерб репутации, выставить в глазах подчиненных человеком пустых дел и обещаний. Зная досконально «кухню» штабного делопроизводства, он предполагал, что «доработка вопроса» свелась к простейшей из возможных, чисто механической операции — усекновению. Список скорее всего был спущен до низового писарского стола и принят к исполнению рядовым штабного пера, который и произвел сию операцию, проведя ручкой, как скальпелем, чернильные вычерки-надрезы по заданной формуле «два к одному». Два вычерка — пропуск, два вычерка — пропуск.

Балтуса не поставили даже в известность, хотя должны были либо вернуть представления в штаб батальона для уточнения, либо привлечь к доработке с правом решающего голоса комбата. Но не сделали ни того, ни другого, чем еще сильнее разожгли протестное негодование Балтуса: судьба людей была решена не им, комбатом, официальным полномочным лицом, кому по должности предоставлено было это право, а ничтожным безымянным канцелярским винтиком, который бесстрастным исполнительским росчерком пера поделил штрафников на правых и левых.

Балтус тяготился внезапно возникшей виной перед Колычевым и теперь, дожидаясь его прихода, продолжал досадовать на себя и раздражаться против подставивших его штабных крыс, как раздражался и досадовал всякий раз, когда случалось не по своей воле оказываться в неловком положении, за которое он считал себя менее всего ответственным.

В конце концов, не столь важно, кто из штрафников именно — Петров, Иванов, Сидоров, люди с ничего не говорящими для него фамилиями, — получил долгожданную свободу, а кто нет. Освобождения заслуживали все представленные. Но Колычев...

Колычева Балтус заметил еще тогда, по дороге на фронт, когда назначал его на должность командира взвода. Знакомясь с личными делами штрафников-офицеров, Балтус, это было его излюбленное занятие, проверял их известной екатерининской фразой «казнить нельзя помиловать», отыскивал и затем держал в поле зрения тех, истинная суть которых, по его мнению, соответствовала смысловому значению фразы с запятой на второй позиции...

Размышления Балтуса прервал негромкий стук в дверь.

— Войдите!

В дверном проеме возникла фигура Колычева. Переступив порог, Павел вытянулся в струнку и, вскинув руку к замызанной выцветшей пилотке, четко, по-уставному доложил:

— Гражданин майор, командир взвода штрафник Колычев по вашему приказанию прибыл.

Балтус приподнялся из-за стола навстречу, жестом руки указал на стоявший у противоположной стороны фабричный городской стул с высокой изогнутой спинкой.

— Присаживайся.

Павел послушно прошел к столу, опустился на указанное место.

— Догадываешься, зачем я тебя вызвал?

Павел неопределенно пожал плечами, отметив

про себя, что разговор начинается на «ты», что само по себе уже было необычно.

Балтус, по-видимому, и не заботился его ответом.

— Давай-ка мы с тобой для начала побалуемся чайком. Без церемоний и субординаций, — предложил он, прищурившись на Павла. — Хочешь крепкого, настоящего, грузинского?..

Говоря так, Балтус переместился к входной двери, высунулся в коридор, окликнул ординарца:

— Гатаулин! Пару стаканов чаю!

Все это время Колычев, борясь с нарастающим притоком внутренней нервной дрожи, чтобы не дать прорваться ей наружу, следил за комбатом, приходил во все большее замешательство, не в состоянии понять, что происходит, что предвещает собой странный загадочный прием, оказываемый ему грозным, не похожим на себя комбатом. Что таится за необычностью его поведения? Судя по благожелательному настрою Балтуса, готовиться следовало к чему-то приятному и волнительному, что, безусловно, подивит и порадует. Но к чему?

С того момента, как два часа назад Колычев получил приказ явиться в штаб к 10.00 лично к комбату, он терялся в догадках, силясь представить, чем может быть вызван интерес Балтуса к его персоне. Ясно, что поводом для вызова не может служить событие обыденное — по пустякам штрафников к комбату не вызывали. Но, с другой стороны, ничего чрезвычайного, из ряда вон выходящего, в последние дни ни в батальоне, ни вокруг него не происходило. Разве что всколыхнувшее всех известие о несостоявшейся амнистии. Но Павел был не один, кого постигла неудача. Из троих представителей

второго взвода путь к свободе открылся только перед Кусковым. Друзья устроили Андрею проводы. Балтус во всей этой истории ни при чем, представления на неудачников отклонены Военным советом фронта.

Вернувшись к столу, Балтус мягко опустил на стул, перевел шурящийся улыбчивый взгляд на Колычева. Спросил скорее утвердительно, чем вопросительно:

— Ну, что, судьба — злодейка, жизнь штрафника — копейка?

— Выходит, что так, — не стал отрицать Павел.

— Признаться, огорчен не меньше. Несправедливость — зло, которое выхолащивает душу обидой, подрывает веру — источник нашей силы. Предлагаю считать инцидент исчерпанным и забытым. Отныне лично для меня ты со своим позорным прошлым рассчитался, вину свою искупил полностью. — Балтус неторопливо раскурил папиросу, подвинул пачку в сторону Колычева, приглашая взглядом присоединяться. — Да и в вину твою я никакую не верю. Не было ее и нет. Чужую на себя взял, дружка своего забубенного прикрыл... Так? Или опять отпираться будешь?

Павел поежился, придержал дыхание. Ни затрагивать болезную тему, ни открываться перед кем бы то ни было, кроме Махтурова, он не хотел. Но и отрицать очевидное тоже не имело смысла.

— Из-за меня же произошло, — наконец нехотя выдавил он, — а у Михайлова семья, двое детей...

— Рад, что не ошибся, — усмехнулся Балтус. — Это упрощает задачу. Оспорить решение Военного совета фронта я, конечно, не в состоянии. Но внести коррективы и произвести твою хоть и не пол-

ную, частичную, но реабилитацию, все же могу. Я хоть и командир батальона, но правами наделен командира дивизии... — Выдержав паузу, во время которой лицо его обрело привычную сухость и строгость, Балтус возвысил голос, объявил, торжественно чеканя слова: — Вверенные мне права позволяют принять решение о назначении вас на должность командира роты с присвоением вам звания — старшина. Поздравляю вас!

Павел вскочил, непроизвольно вскинул руку к виску, намереваясь, как принято, отрапортовать о верности служения Родине, но осекся, уловив неодобрительную гримасу, скользнувшую по лицу комбата, и только немо зевнул ртом.

— Да сиди ты, не дергайся! — поморщился Балтус, снова переходя с официального на доверительный тон. — В лейтенанты произвести не могу. Максимум, что возможно для штрафника, — старшина. До первого боя походишь в старшинах. А дальше видно будет. Если уцелеешь — представлю повторно, уже как комроты. И не в общем списке, а персонально. Вопросы есть?

— Все ясно, гражданин майор. Какую роту прикажете принять?

— Для командиров рот я — товарищ майор. Для тебя тоже, — с нажимом в голосе уточнил Балтус. — А что касается роты... Я намерен удовлетворить рапорт лейтенанта Ульяновца. Он давно просит о переводе в общевойсковую часть. Таким образом, можешь оставаться на второй, заменишь Ульяновца. Но могу предложить другую: либо пятую, либо седьмую. Там тоже вакансии пока не закрыты.

С выбором Павел не колебался — конечно, вторая. И не потому, что она чем-то лучше других. Во

всех ротах осталось всего ничего бойцов, дай бог по взводу, и их предстояло формировать заново из пополнения. Так что разницы особой между ними не существовало. Но своя была все же родней. В ней оставались близкие люди, верные, проверенные в боях друзья-товарищи: Махтуров, Богданов, Жуков, тот же Туманенок, кому он верил как самому себе, на кого мог опереться в трудную минуту. Сделал вид, что раздумывает над предложением комбата.

— Мне, гражданин майор, все равно, какой ротой командовать. Но своя все же предпочтительней.

Балтус возражать не стал, лишь укорным взглядом отреагировал на «гражданина майора», согласно покивал головой:

— Учить тебя, думаю, нечему. Обязанности командира роты тебе известны более чем. Людей ты тоже знаешь хорошо, наверняка много лучше тех строевиков, что пришлют нам из резерва на эти должности. Тут, как говорится, флаг тебе в руки. А что касается «все равно», позволь с тобой не согласиться. До сегодняшнего дня ты хоть и командир взвода, но равный им был. Такой же штрафник, как и все. Командир роты — ипостась другая. А значит, и всем твоим старым приятельским связям конец. И перешагнуть через них нелегко, и помехой они могут быть. Подумай, может, тебе все же другую роту дать, а Ульяновцев подождет?

— Нет, — твердо возразил Павел. — Решение принято. Разрешите принять вторую роту?

— Сколько человек в строю осталось?

— Точно не знаю, но не больше взвода. В моем — семнадцать штыков.

— А сколько из вас тех, кто поступил в батальон вместе с тобой, в Пензе?

— Трое. Я, Махтуров и Туманов.

Балтус откинулся на спинку стула, перевел взгляд в потолок, что-то прикидывая в уме. В кабинет бесшумно, без стука и доклада, вошел ординарец старшина Гатаулин. Молча расставил стаканы с чаем на столе и так же молча остался стоять у стола, ожидая распоряжений комбата.

— Свободен! — коротко бросил ему комбат и, возвращаясь к разговору с Кольчевым, заговорил о том, что занимало и заботило его, по-видимому, все последние дни: — Вот таких гвардейцев наоборот больше в батальон ждать не приходится. Фронты двинулись вперед. А значит, и нарушителей 227-го приказа не станет. Разве что единицы. Лагеря тоже основательно подчищены. Вся уголовная мелкота и приклатненная шушера уже пропущены через штрафные подразделения. Заводских рабочих теперь тоже судят реже. Какой начальник хочет, чтобы его людей сажали. А кто план выполнять будет? Его же за срыв и накажут. Значит, кто остается? Из лагерей уголовники калибром покрупней: грабители, бандиты, убийцы. Плюс разный сброд с освобожденных территорий — так называемые примачи и прямые пособники фашистов. Те, кто в 41-м бросил оружие и у чужих баб под подолом укрытие нашел. Или, хуже того, состоял в непосредственном служении у фашистов, работал на них. Жалкие трусы и вражди прихвостни. Да к тому же разрешено теперь брать политических по 58-й статье, у кого срок до 10 лет. Враги советской власти. Белогвардейские недобитки, троцкисты, провокаторы, предатели партии и народа. — Балтус сделал передышку. — Вот с каким контингентом, Кольчев, придется скоро нам с тобой иметь дело. Это надо представлять

себе четко и ясно, иначе не обеспечить главной поставленной перед нами задачи — создать крепкое боеспособное подразделение, готовое выполнить любой приказ командования. — Балтус в задумчивости побарабанил пальцами по крышке стола. — Последние пять лет перед войной я служил в лагерях и по опыту знаю: абсолютное большинство рецидивистов-уголовников — законченные мерзавцы. Единственный доходчивый довод, который способен приводить их в чувство и подчинять приказу, — это ствол командирского пистолета...

Задержав взгляд на стакане с остывающим чаем, Балтус, как запоздало спохватившийся хозяин, поймавший себя на допущенном промахе, поспешил исправить ситуацию, повторил приглашение не стесняться, чувствовать себя свободной.

Чаепитие проходило в сосредоточенном молчании. Погрузившись в себя, оба размышляли каждый о своем. Наконец, видимо, придя к какому-то устраивающему его заключению, Балтус встрепенулся, поднял голову:

— Ты кинокартину о комдиве Чапаеве видел?

Довоенную кинокартину о легендарном комдиве, к тому же земляке, Колычев, конечно, видел. Но что за вопрос?

— Видел.

А Балтус продолжал удивлять его дальше:

— Где место командира в бою — помнишь?

Еще бы не помнить! Всякий, кто носит на плечах офицерские погоны, искушен курсантской заповедью: личный пример — решающий фактор успеха подразделения в атаке. Заподозрив подвох, Павел, осторожничая, отвечал односложно:

— Помню.

— У нас, Колычев, по-другому. Штрафная и обычная стрелковая рота — далеко не одно и то же. Обязанности и функции командира в принципе схожие, но у нас своя специфика, свои отличительные особенности. Командир штрафной роты — это, с одной стороны, тот же воинский начальник с известными тебе атрибутами и назначением, а с другой — карающий меч органов, кому предоставлено исключительное право не только железной рукой наводить порядок и дисциплину, но и, если потребуют обстоятельства, единолично решать судьбу штрафников. Те, кто преступает закон вторично, особенно на передовой, в боевой обстановке, подлежат расстрелу на месте. Ты еще до боя должен иметь четкое представление, кто готов честно искупить вину кровью и пойдет грудью на пулеметы, а кто не преминет нырнуть в воронку и «проголосовать ногами». Или вцепиться тебе в спину. Поэтому место командира штрафной роты в атаке — строго позади атакующей цепи. Он должен видеть все и вся. И каждый штрафник, бегущий в атаку, тоже должен шкуркой, затылком чувствовать на себе и твой всевидящий глаз, и зрачок твоего пистолета. Знать, что кара неминуема и следует за ним неотступно. Твоя рука тоже дрожать не должна. Дашь слабинку — не командир... — Балтус пожевал губами, прислушиваясь к внутреннему голосу, и решительно заключил: — А потому, чтобы сто раз попусту не хвататься за кобуру, а сразу заявить, кто в роте есть кто, можешь для наглядности шлепнуть одного-двух самых ненавистных гнид. Дело на тебя заводить не буду.

Павел произвольно дернул головой, торопливо отвел в сторону глаза, покрываясь колкими цеп-